

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2019, 7(1): 21-36

DOI: 10.13187/ra.2019.1.21
www.ejournal16.com

Publications of Sources

“We Must Hurry to Compile Such Historical Works About Each of the Cossack Hosts”: the Program of N.A. Maslakovets for the Official History of the Cossacks. Part 2

Preparation for publication, introductory article and comments

Artyom Y. Peretyatko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The Ministry of War of the Russian Empire attempted to write an official history of the Cossacks in 1899–1912. The program for this history was commissioned to make by prominent military official Lieutenant-General N.A. Maslakovets. Although the official history of the Cossacks was never created, prepared by N.A. Maslakovets document is of undisputed interest. Firstly, it explains the logic of the government's actions in the course of writing the official history of the Cossacks. Secondly, the manuscript of N.A. Maslakovets shows the level of representation of the Russian society about the past of Cossack Hosts in the beginning of XX century. Finally, thirdly, this text is important for understanding the personality of N.A. Maslakovets, who was the key expert of Ministry of War on Cossack issues in 1890–1900.

Keywords: problems of historiography of the beginning of XX century, Ministry of War of the Russian Empire, official history of the Cossacks, N.A. Maslakovets.

Где же впервые стали появляться на Руси казачьи общины, и чем могло быть вызвано это оригинальное и совершенно особое явление в государственной жизни нашего общества? В ответ на этот <неразб.> для нашего исследования вопрос могут быть приведены следующие исторические сведения.

Историк С. Соловьев об этом предмете говорит следующее¹: «Географическое положение России с открытыми границами на юг, восток и юго-восток к степям и пустыням бассейнов Черного и Каспийского морей способствовало появлению колонизации лиц разного звания и положения, искавших приволья и деятельности вдали от авторитета и стеснения русских властей. Обстоятельство это послужило поводом к основанию казацких общин и вольницы по рекам Дону, Волге, Яику на юг и юго-восток, и по реке Днепру с его притоками на юго-запад. Те же причины вызвали и движение Ермака с дружиною донцов к Уралу по приглашению Строгановых, а затем и покорение ими царств Сибирских». Теми же

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

¹ Соловьев С.М. История России. Т. VI (прим. Н.А. Маслаковца).

обстоятельствами объясняется появление казаков на Руси и в энциклопедии генерал-лейтенанта Леера¹.

Дальше там же говорится следующее: «В Северо-Восточной Руси казачество упоминается как особый вид вооруженных сил. Это были люди, проживающие в разных городах (например, в Новгороде, в Устюге, преимущественно по границам) – городские казаки. В Юго-Западной Руси они являлись в виде отдельных полков и <неразб.>, по выбору в особые списки-реестры; отсюда реестровые казаки. Но, кроме того, на свободную местность, отделявшую пределы Московского государства и Польши от владений татар и крымцев (так называемое «Поле») шли вольные люди, искавшие свободы и простора. Из этих выходцев, мало-помалу, начиная с XVI века, стали образовываться три казачьих войска».

Савельев² относительно появления казаков на Дону дает следующие указания: «В 1549 г. на Дону был известен некоторый Сары-Азгат. Он с другими в трех или четырех местах устроил городки, откуда и стал делать набеги на ногайских татар-купцов, торговавших с Москвой».

О появлении казаков и расселении их между Доном и Днепром раньше XIV и XV столетий, как мы выше видели, говорится еще в <неразб.>: Царя Константина Порфирородного, Самуила Киевского, в краткой московской летописи³ и других. Историк Татищев в своей «Российской истории» говорит о предмете следующее: «В XIV столетии из Кабарды пришли черкесы в княжество Курское, находящееся еще в то время под влиянием татар. Собрав местного сброда, эти пришельцы населили слободы и стали заниматься грабежами и разбоями. Многие из них татарскими баскаками были переведены на Днепр и построили город Черкассы. Впоследствии эти первые обитатели Черкасс смешались с русскими переселенцами из Украины и из Польши, став называться казаками. В постоянной борьбе с татарами, и позже с турками за обладание занимаемой землей, днепровские казаки постепенно дошли до Дона, где и утвердились». В том же издании Татищева дальше содержится следующее: «В XVI столетии, при царе и великом князе Иоанне Васильевиче из-за Днепра с князем Дмитрием Вишневым⁴ черкасы на Дон перешли, и, там поселившись, город Черкасск построили». Подтверждение этому содержится и в сочинении «Ядро Российской Истории»⁵, где говорится, что «в оное время князь Дмитрий Вишневыи, перешел из Литвы на Москву, приняв службу у царя Иоанна Васильевича».

Также историк Татищев о появлении казаков приводит следующие сведения: «В начале XVI столетия один из украинских жителей из города Овруча, по имени Дашкович⁶, назвавшись гетманом, собрал значительную партию однодворцев, которые наименовались казаками, заимствовав имя это от татар, вооружил их и начал победоносную войну против ордынцев, нападавших на Украину. Вместе с этим, новый гетман стал ловить занимающихся грабежами беглецов из Польши и России, и препровождал их в места их жительства».

Стариков о появлении казаков на рубежах России приводит следующие указания⁷: «Частые войны опустошали земли и разоряли Русь, татарские же набеги часто, в конце

¹ Как ясно из опубликованной ранее части программы Н.А. Маслаковца, речь идет об «Энциклопедии военных и морских наук» под редакцией Г.А. Леера (*Энциклопедия, 1889*).

² Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского (прим. Н.А. Маслаковца).

³ В ранее опубликованной части документа упоминаются свидетельства по истории казачества, восходящие к «царю Константину Порфирородному», «Сильвестру (но не Самуилу! – А.П.) Киевскому» и «краткой московской летописи». К сожалению, ссылки на конкретные источники отсутствуют, что усложняет поиск источника информации, которым пользовался Н.А. Маслаковец. Если с «царем Константином Порфирородным» очевидно, что имеется в виду византийский император Константин VII Багрянородный, то какой именно Сильвестр / Самуил Киевский упоминается Н.А. Маслаковцом – не ясно. Более чем вероятно, что генерал пользовался не первоисточниками, но их пересказами в одной из книг или статей, на которые ссылался.

⁴ Речь идет об упоминающемся ниже Дмитрие Ивановиче Вишневецком, одном из основоположников запорожского казачества (о нем: *Кузнецов, 2013*).

⁵ Здесь Н.И. Маслаковец ссылается на книгу А.И. Манкеева «Ядро российской истории», написанную еще в начале XVIII в. (*Оболенский, 1858: 1–12*).

⁶ Имеется в виду еще один основоположник запорожского казачества Евстафий Иванович Дашкевич.

⁷ Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (прим. Н.А. Маслаковца).

концов, обездоливали население. Голод и чума в 1467 г. еще более расстроили и без того сильно пошатнувшееся благосостояние русского народа; начались грабежи, разбои, набеги; народ стал все более тесниться к рубежу в степь, где встречал и своих соплеменников, и исконных врагов. Выходцы клянутся прахом своих предков добиться приволья и свободы».

«Первое движение на рубеж началось от Москвы на Юг. Выходцы, бездомные гулевые люди, по мере углубления в степь, собираются в значительные общины и дружины для обеспечения большего успеха в борьбе с остатками татарскими. С большой уверенностью можно сказать, что казачество стало возникать около 1444 г., когда о нем впервые упоминается в летописях, в коих говорится о казаках касимовских, рязанских, путивльских, ярославских и других. Казачество возникло из элементов весьма разнообразных. Массы людей, искавших свободы, между коими были и осколки древних половцев, и русские удальцы-гулевщичики, и литовцы молдавские, и затем черкесы, охотно принимались в казачество, причем от вновь вступающих в общины требовалось лишь сходство языка с русскими народностями, да православная вера. Несмотря на все это, несомненно, что главное основание казачеству было положено русским народом. Эти-то свободные общины степных воинов, как сами собою, так и государственными властями стали вскоре называться казаками».

Некоторые из казаков в пределах государства <неразб.> обязались службою наравне с дворянами и детьми боярскими, и названы были казаками поместными, или городовыми. Появившиеся в то же приблизительно время общины казаков в степях за рубежами стали именоваться степными, или вольными. Война с нехристями-неверными была для казаков религиозным подвигом, и набеги считались вполне позволительными; морские же поиски давали казакам и славу, и добычу. Казаки в военных действиях пользовались современным оружием, как русским, так и турецким. По морям же казаки плавали на легких ладьях-стругах или чайках, на веслах или под парусами.

Военные подвиги казаков со временем, помимо удовлетворения собственных потребностей, сослужили великую службу и России, возвращая тысячи пленных и удерживая татар-хищников от нападений на русские укрaines¹.

К общим основам появления казаков на Руси или казаков в России, ввиду всего вышеприведенного о предмете, нельзя не прийти к следующим заключениям о причинах и постепенном ходе развития этого, присущего государственной жизни нашего Отечества с XV по XVIII столетия.

Причины этого были двоякого рода. С одной стороны, открытые от Юго-Запада до Юго-Востока границы Московского государства, <неразб.>, издавна заселенные разного рода кочевыми племенами и ордами, сперва половцами и хазарами, затем, после нашествия монголов на Россию, татарами, в основном, кипчакской и крымской орд, для своей защиты вызвали необходимость в образовании на окраинах государства особых поселений из служилых людей, одни из коих, стрельцы, состоя на жаловании, несли постоянную служебную повинность, и земельных наделов не имели; другие же – городовые, пограничные казаки, будучи наделены особыми земельными участками, являлись на службу по особым требованиям, наравне с боярскими детьми и другими зависимыми людьми. На обязанности пограничных казаков лежало обеспечение переходов, <неразб.>, добывание языка и другие службы, требующие от них известного навыка, энергии, неутомимости и выносливости в совершении быстрых и продолжительных передвижений по безводным степям и пустыням.

С другой же стороны, плохая организация государственного строя, малая обеспеченность личности и имущества, и вымогательства местных властей в областях, более или менее удаленных от центральной власти, как равно и разного рода физические бедствия, охватывающие нередко весьма значительные площади, каковы: неурожай, чума и другие народные невзгоды, заставляли многих неудачников покидать свои поселения и искать спасения за рубежами государства, разыскивая в этих новых местах новые для себя долгожданные простор и свободу. Этого рода выходцы, встречая в местах нового поселения

¹ Во второй половине XIX – начале XX вв. в исторических работах слово «окраины» заменялось словом «украины». См., например: Овсянников Е.П., прот. «Св. Тихон Задонский как благоустроитель церковной жизни и деятель в борьбе со старообрядческим расколом в Донской Украине» (Овсянников, 1914).

на каждом шагу нужду и опасность, стали образовывать свободные общества, не только для поддержания личного существования в совместной борьбе¹ с силами местной природы, но и для защиты себя от нападений и диких зверей, и кочующих в соседстве с ними полудиких ордынцев. Все эти местные условия и обстоятельства заставляли эти степные общины принимать полувоенную организацию, под влиянием коей вольное казачество, постепенно упрочняясь и развиваясь, стало прототипом нынешних казачьих войск в империи.

Весьма естественно, что прошло немало времени раньше установления в казачьих полках основ внутренней организации, при коей между ними и государством стали возможны сколько-нибудь определенные и, так сказать, легальные отношения.

Об этом периоде вольной, ни от кого не зависимой жизни казачьих общин, имеются следующие исторические указания.

Историком Ригельманом² приводится по этому периоду следующее заявление вице-адмирала Крейца³: «Казаки до времени польского короля Стефана Батория в разбоях и грабежах немногим лучше татар были, и не только по Черному морю брали суда, но и на сухом пути храбры и жестоки были, как-то: кроме сеч и набегов умели осиливать немалые города, чем себя немало прославили».

Савельев⁴ приводит следующие по этому поводу сведения: «При возвращении торговавших с Москвой торговцев из ногайских татар на родину, на них напали казаки-севрюки – одни из них были ограблены и умерщвлены, другие же сбежали к русскому царю». Или, в другом месте: «На жалобы ногайского хана Юсуфа царь Иоанн IV отвечал ему, что эти холопы его и в русской земле много лиха делают». Тот же ответ давался и султану турецкому.

Из чего нельзя не заключить о весьма слабой еще в то время связи казаков донских и правительства царя Москвы. Даже после отправления царем Иоанном IV на Дон казакам жалованной грамоты в 1570 г. встречаются указания историков о дальнейшем их своеволии. Так, в 1576 г. донские казаки двинулись отдельными партиями по Дону с целью нападения на купцов, идущих с Каспийского моря в Москву и обратно. Для уничтожения этих разбойничьих шайк казаков и иной вольницы, в 1578 г. царем Иоанном IV было отправлено войско под началом стольника Ивана Мирошкина, которому удалось рассеять эти шайки.

При таких собственно условиях произошло и движение партии донцов казака Ермака Тимофеевича вверх по рекам Волге и Каме в пределы владений Строгановых, и дальнейший поход его на восток в Сибирь, где и повержено было Сибирское царство Кучума.

Одновременно с движением Ермака вверх по Волге и Каме другие, разбитые царевыми войсками шайки казаков, бросились вниз по Волге к рекам Куме, Тереку и Яику. Одна из таких партий под предводительством атамана Василия Гугина⁵ перешла на реку Яик и укрепились там, положив основание Яицкому казачьему войску.

Отдельные полки яицких казаков еще более поражают своей предприимчивостью и отвагою. Кроме обычных для казаков предприятий против обширных инородческих земель и грабежей по берегам и на воде соседних морей: Черного и Каспийского, партии казаков яицких в начале XVII столетия предпринимали походы в Великую Бухарию и в Хиву. Несмотря на всю трудность передвижения на тысячи верст по совершенно неизведанной им пустыне, этим беспримерной славы походам удалось достигнуть успеха, то есть дойти до городов Ургенча и Хивы и захватить там богатую добычу. И хотя на возвратном пути храбрецам этим и пришлось пожертвовать не только многим награбленным, но и собственным припасом, тем не менее, движение на Хиву вскоре было произведено и вторично, и, к сожалению, окончилось еще более неудачно, чем первое⁶.

¹ Слово «борьба» в рукописи зачеркнуто.

² Ригельман А.И. «Любопытное повествование о Малой России и ее народе, и о казаках вообще» (1785–1786) (прим. Н.А. Маслаковца).

³ Речь идет о Корнелиусе Крюйсе, сподвижнике Петра I.

⁴ Савельев А.М. «Трехсотлетие Войска Донского» (прим. Н.А. Маслаковца).

⁵ Василий Гугня – легендарный первый атаман яицких казаков, истории о котором в начале XX в. считались специалистами «старинными преданиями» (Карпов, 1911: 38).

⁶ «Беспримерной славы походы» яицких казаков на Хиву и Ургенч, города в Средней Азии, иногда именовавшейся русскими авторами XIX в. «Великой Бухарией», до сегодняшних дней мало освещены

Столь же смело и нередко весьма успешно действуют и казаки украинские, причем особого внимания заслуживает деятельность казаков сечевых или запорожских, занимавших свои становища вокруг Днепровских порогов. Воюя постоянно, то с крымцами, то с турками, запорожские казаки то доходят до Дона, то проникают на Крымский полуостров, промышляют на Черном море и доходят до берегов Босфора, появляясь под стенами Константинополя. Безуспешно в отношении этих внезапных нападений запорожцев правительства крымского хана и турецкого султана неоднократно обращались с жалобами к царям русским, но со стороны русского правительства жалобы эти не могли получить сколько-нибудь серьезного удовлетворения.

Одновременно с этой довольно неудобной в видах политических деятельностью казаков на окраинах России, ими оказывалась нередко и существенная помощь государству. Так, по сведениям вице-адмирала Крейца и других летописцев, оказывается, что в 1559 г. во время войны султана Селима с Персией донские казаки, совместно с ратью московской, не допустили до прорытия турками канала для соединения Дона с Волгой у рек Иловайки и Камышинки, с целью перевода по оному турецких войск из Азова к Астрахани и далее до Ширвана водным путем¹. По сведению же Степенной книги, в том же году при посылке крымским ханом своих татар к Казани, князь Дмитрий Вишневецкий на выходе близ Азова, напал на них с казаками и уничтожил, причем 20 человек пленных было отправлено в Москву к государю.

Наконец, едва ли можно оспаривать и такой факт, что великий князь Иоанн III, решаясь сбросить с России иго татарское, не мог не опираться на смелую и неукротимую деятельность на рубежах государства казачьих общин – этих беззаветных воинов за веру православную и русскую народность против нехристей-неверных, крымской и других орд татарских.

Со второй половины XVI и начала XVII столетий замечается все более тесное сближение казачьих общин с государственной властью их местностей, причем казаки мало-помалу попадают под подчинение тех государств, к коим принадлежали ближайшие к казакам Украины². Так, Польша с Литвой, владевшие в XVI столетии западную частью нынешней России, до Днепра включительно, подчинили своему влиянию казаков западно-украинских и запорожских. Казаки же, поселившиеся за южной границей Московского государства, по бассейнам рек Дона, Волги, Яика и Терека, как равно по Каме и по Тоболу, подчинились власти царя Московского.

Сообразно же с образом правления государств, подчинивших казачьи общины, и судьба этих последних была далеко не одинакова в западной и восточной частях нашего отечества. Так, в то время, как казаки донские, яицкие, терские, <неразб.> и сибирские, приняв подданство царей Московских, несмотря на возникающие между ними время от времени беспорядки, бунты и даже враждебные противу Москвы действия в союзе с ее врагами, каковы, например, переход казаков к самозванцам в начале XVII столетия, бунты: Стеньки Разина, Пугачева, Булавина, самовольные поиски казаков во владениях крымского

в историографии. В начале XX в. историки уральского казачества, ссылаясь на местные предания и немногочисленные переводные хивинские источники, утверждали, что в 1605 г. яицкие казаки атамана Нечая взяли Хиву или Ургенч (но никак не оба этих города сразу), но затем были истреблены хивинской армией, причем трактовка этих событий выглядит крайне сомнительной с точки зрения позднейших научных открытий (Карпов, 1911: 90–95). В частности, согласно этой трактовке, поход на Хиву через пустыни был предпринят потому, что хивинцы перегородили Узбой, до этого, якобы, соединявший бассейн Амударьи с Каспийским морем. Второй поход, атамана Шама, не был точно датирован, но, как тогда считалось, был предпринят через несколько десятилетий и закончился полным провалом: войско заблудилось в пустыне и погибло от голода (Карпов, 1911: 134–135). Таким образом, в данном случае Н.А. Маслаковец, возможно, желая дополнительно обосновать присутствие русских в Средней Азии, сильно преувеличил значение полумифических набегов яицких казаков на Хиву даже по сравнению с современной ему историографией.

¹ Речь идет о событиях 1569 г., а не 1559 г. Дальнейшие события так же сильно искажены Н.А. Маслаковцом: турецкий султан Селим III воевал не с Персией, но собственно с Россией, попытавшись взять Астрахань; попытка прорыть канал между Волгой и Доном в условиях развития техники того времени была обречена на провал и без казаков (Садиков, 1947).

² Напомним, что «украинами» во второй половине XIX в. обычно называли Украину.

хана и Турции, продолжали мало-помалу привыкать к порядку и законности, что и не замедлило отразиться как на улучшении их экономического положения, так и на других сторонах нравственного преуспевания.

Совсем в другом положении оказались казаки западной окраины государства в приднепровском укрое¹, где именно имело место развитие днепровского казачества: малороссийского и запорожского².

До начала XVI столетия днепровские казаки не признавали над собой никакой власти. Король польский Сигизмунд Первый (1507–1540) успешно склонил к себе казаков ласкою и обещанием льгот и привилегий, подчинил их военной дисциплине и дал правильное устройство. Вскоре, однако, начались в Малороссии гонения за веру и свободу; а в 1589 г. сейм определил подчинить казаков власти коронного гетмана. Казаки, восстав против этого распоряжения, объявили Наливайко своим гетманом, и с этого момента началась ожесточенная борьба между днепровскими казаками и польским правительством. Целый ряд славных подвигов казаков с переменным счастьем в борьбе с поляками за веру и свободу, стоил жизни целому ряду их предводителей, павших в боях, или погибших мученической смертью в подвалах в Варшаве. А вместе с тем, и вся Правобережная Украина была опустошена совершенно. Избрание в гетманы Зиновия Богдана Хмельницкого, проводившего то переговоры, то борьбу с поляками, привело в конце концов к переходу значительной части Украины под власть России в 1653 г. Но обстоятельство это имело благополучное влияние на устройство лишь левой половины Малороссии, так называемой Левобережной Украины. Правая же ее половина продолжала изнывать под гнетом религиозной нетерпимости и политического ига Речи Посполитой. К сожалению, современные обстоятельства, после неудачной войны России с Польшей, закончившейся в 1667 г. Андрусовским мирным договором, в силу коего вся Западная Украина была уступлена Россией Польше, были таковы, что на последующие обращения заднепровских казаков в лице своих гетманов и некоторых полковников, каковы: Дорошенко, Палей и другие, к царям русским о принятии их в подданство, постоянно терпели неудачу, и народ положительно изнемогал в геройской, но довольно неравной борьбе с враждебными в Польше элементами русской народности и веры православной. Страна, будучи опустошена многолетней борьбой и с поляками, и с турками, представляла собой на значительном просторе вокруг Днепра необитаемую пустыню, заселение коей возобновилось даже после договора 1686 г. между Польшей и Россией, так как в 7 пункте договора было постановлено: «что те места оставшиеся имеют быть пусты». В народных преданиях время это сохранилось под видом «руины»³. Лучшей характеристикой этой печальной эпохе могут служить описания современников, посетивших Заднепровскую Украину во время <неразб.> расстройств и опустошения. Так, по описанию очевидца, посетившего Украину 20 лет спустя после руины, страна представляла следующую картину: «И проидохом (из Переволоча в Немиров) степь глубокою, и быть нам сие пужевое⁴ шествие

¹ Очевидно, Н.А. Маслаковец использовал некий диалектизм, точное значение которого нам установить не удалось.

² Далее следует текст, который Н.А. Маслаковец дважды хотел вставить в основную рукопись и дважды зачеркнул уже сделанную вставку. Поскольку этот текст, написанный на полях, в отличие от других подобных случаев, не был зачеркнут, трудно сказать однозначно, решил ли в итоге генерал включить его в основную программу или нет. Приведем этот текст: «Борьба днепровских казаков за поддержание собственной самостоятельности, бытовой и религиозной, против ига Литвы и Польши заслуживает особого внимания, почему мы и останавливаемся несколько подробнее на этом обстоятельстве».

³ В этом абзаце Н.А. Маслаковец конспективно (и достаточно точно) излагает события украинской истории XVI–XVII вв. Мы воздержимся от подробного комментирования и уточнения биографий указанных им лиц, значение которых понятно из контекста. Обратим внимание только на то, что в интерпретации Н.А. Маслаковца вся история украинского казачества с 1589 г. выглядит непрерывной борьбой «за веру и свободу» против польского владычества, а русско-польская война 1653–1667 гг., по итогам которой по Андрусовскому перемирию Левобережная Украина и Киев вошли в состав России, называется им «неудачной». Возможно, причину этого следует искать в том, что Н.А. Маслаковец сам был украинцем по происхождению (он родился в Черниговской губернии (Григорович, 1911: 262), и смотрел на эти события как консервативный и пророссийски настроенный малороссиянин.

⁴ Установить значение слова не удалось.

печально и уныло, больше бо видети ни града, ни села; аще бо и были прежде сего грады красны и нарочиты села видением – но ныне тоже пусто место и не изселено, не быть видно человека. Пустыня велика и пустырей множество. Ныне же все развоевано и разорено от крымцев. А земля зело угодна и хлеборобна. Идохом тою пустошею пять дней, ничтоже видети от человека»¹.

О современном состоянии казачества летописец говорит следующее: «В тот час, яко с малороссийских, так и с запорожских отважных юнаков многие, собравшие себе охранников-казаков и подчинившиеся ватаманам, сиречь полковникам, без всякого указа, своею охотою, ради защищения от нападения басурманского, христиан и границы обороняючи, по диким степям кормящиеся от диких зверей мясом и <неразб.>, татарские загоны, с Польши и с России с людьми набранными, в Крым и в Белградчину в неволю приговоренными, разбивали, и корыстей – с конями и орудием – татарских доставляли, употребляли»².

Для более ясной обрисовки тягостного положения Заднепровской Украины, по сравнению с прежним положением, нельзя не привлечь сведений о состоянии страны и ее населения при польском короле Стефане Батории, с особой заботливостью занимавшегося благоустройством малороссийских казаков. Поляки даже упрекали короля этого в пристрастии к казачьему населению, и не могли не указать на следующие его заслуги: «Стефан Баторий присоединил казаков тем к своей хоругви³, что манил их своими благодеяниями, и показал им прекраснейший и благополучнейший нрав, и превратил их в войско. К казакам присоединил он и переселенцев, дабы населяли и вспахивали землю, которую называли Украиной. Из числа великих дел Стефана Батория есть сие, пожалуй, наилучшее; ибо он привел чрез то польские пределы в безопасность, умножил войско до 40 000 человек, и такую испаханную землю учинил для Польши плодородную, которая была после изобильнейшей во всем свете»⁴.

Путем же продолжительной и беспощадной борьбы достигнуто было то, что в Заднепровской Украине к концу XVII столетия реестровое казачество вовсе почти было уничтожено. Оставшиеся пока нетронутыми сечи запорожские подверглись той же угрозе после разгрома, по приказанию царя Петра I в 1709 г., сечи Черноморской, и изгнания непокорных запорожцев из пределов России.

Хотя в тридцатых годах XVIII столетия запорожцам и разрешено было вернуться в пределы России и устроить на Днепре новую сечь, после чего во второй половине того же столетия возрождено было в Малороссии и гетманское достоинство, но это была уже, так сказать, последняя вспышка отживающего в Малороссии казачества. В 1765 г. граф Разумовский был уволен от звания гетмана, и самое гетманство было окончательно упразднено. Затем, в 1775 г. последовало уничтожение Сечи запорожской и упразднение Запорожского войска.

Таким образом, первое из появившихся в России казачьих войск – малороссийское, совместно с запорожским, ранее других и закончило свое обильное событиями и подвигами патриотической доблести сынов своих историческое существование. Тем не менее, в летописях истории казачьих войск в России днепровское казачество не может быть забыто, не только ввиду необыкновенной самобытности и устойчивости входящего в состав его населения, но и вследствие проявления исторической прозорливости и умения пользоваться всеми встречающимися на историческом пути его обстоятельствами со стороны многих его

¹ Источник цитаты в оригинале не указан, установить его не удалось.

² Источник цитаты в оригинале не указан, установить его не удалось.

³ В данном случае «присоединил к своей хоругви» следует понимать почти буквально; не только А.И. Ригельман, но и современные Н.А. Маслаковцу историки писали о том, что Стефан Баторий впервые убедил казаков «присягнуть на верность знамени» (Стороженко, 1904: 71).

⁴ Ригельман. «Любопытное повествование о Малой России и пр.» (прим. Н.А. Маслаковца). В этом месте на полях имеется не зачеркнутый, но и не вставленный в основную рукопись текст. «К началу XVIII столетия и Правобережная Украина перешла, наконец, во власть России, образовав собою одно общее малороссийское гетманство; но организация эта постепенными мерами была заменена общегосударственным управлением».

представителей, как например: Сагайдачного, Дорошенко, Богдана Хмельницкого, Палея, Полуботинка¹ и многих других.

Несмотря на довольно частые затруднения, которые приходилось испытывать русскому правительству, как до времени признания над собой казаками власти царей русских, так и после оно, русские государи правильно оценивали значение казачества для пользы государственной, всегда поддерживали казаков своими милостями и заботами об их внутреннем благополучии. При постепенном расширении границ государства <неразб.> казачьи войска, как ранее существовавшие, так и вновь учреждаемые, всегда являлись первыми колонизаторами окраин государства и пограничными стражами русской народности и веры православной.

О значении казаков для России нельзя не привести слов одного из историков войска Донского, Михаила Сенюткина, который в сочинении своем «Донцы» представил следующие по этому предмету заключения и свидетельства лиц, близко знакомых с деятельностью этих последних². Фельдмаршал Кутузов говорил: «Наши казаки творят чудеса!». Сам же автор приводимого сочинения высказывается о казаках следующим образом: «По какому-то безотчетному горящему желанию оборонять веру Христову от натиска магометанства, эти вольные немногочисленные ратники отражали денно и нощно целые века исконных врагов России, не чувствуя в борьбе с ними ни изнурения, ни усталости. Глаз их никогда не дремлет, а ухо вечно нас слышит. Они по ветру чуют приближение врага, по запахам и нюху направляют к нему путь свой. Бурные моря Азовское, Черное и Каспийское не удерживают их. Лады их доходят до Синопа, Трапезунда и Константинополя.

Это люди железные, которых, по замечанию Фридриха Великого, перебить можно, но победить никогда! Тщетно хотели остановить их турки, крымцы, ногайцы и черкесы. Донцы не только побеждают их, но как бы стирают с лица своей земли. Они завоевывают огромные просторы Сибири, и, наконец, все – и свои завоевания, и славу, и жизнь – приносят царю России, говоря: «Мы холопы твои, готовы служить, готовы за православную веру и тебя, государь!».

Если таковые нравственные и боевые качества справедливо признаются за старыми казачьими войсками, то можно с полной уверенностью сказать, что и более молодые казачьи войска, каковы: Оренбургское, Кубанское и разного наименования казаки в Сибири не уступают старым доблестным представителям казачества ни в выносливости, ни в беззаветной храбрости, ни в преданности старым казачьим устоям, основанным на преданности царю и вере православной. Так, например, о подвигах полков и батарей Оренбургского войска в последних войнах Туркестанского края имеются следующие официальные удостоверения о их действиях.

Командующий войсками Туркестанского округа генерал-адъютант Кауфман официально доносит: «В последней кокандской экспедиции оренбургские казаки явились во всех отношениях настоящими воинами. Не было дела, в котором не участвовали бы казачьи части Оренбургского войска. Как служащие в сотнях и батареях, так и все оставшиеся с отличием исполняли свои обязанности. Во многих делах казаки смело врубались в шашки и доказали, что умеют хорошо владеть холодным оружием. Многие казаки ходили на <неразб.>. Словом, верховой казак является лихим кавалеристом, а пешком не уступает пехоте». Генерал Скобелев о находящихся под его началом казаках Оренбургского войска

¹ Трудно сказать, почему Н.А. Маслаковец выбрал именно этих представителей казачьей старшины. В двух случаях он даже допустил неточность в написании фамилий: не Палей и Полуботинок, но Палий и Полуботок. В частности, П.Д. Дорошенко неоднократно выступал простив России, а П.Л. Полуботок вообще умер в Петропавловской крепости, и едва ли можно предположить, чтобы в официальном издании Военного Министерства Российской империи их имена приводились как пример «прозорливости и умения пользоваться всеми обстоятельствами».

² Михаил Христофорович Сенюткин (1825–1879) был одним из первых донских краеведов, и Н.А. Маслаковец, служивший на Дону в 1860–1870 гг., мог знать его лично. Еще в 1850-х гг. донской автор мечтал написать «новую историю Дона» со времен Пугачевского бунта, однако глазная болезнь и пожар войскового архива заставили его отказаться от этого замысла (Сенюткин, 1866а). Однако в 1866 г. М.Х. Сенюткин собрал свои разрозненные наброски, черновики и журнальные публикации и издал двухтомник под названием «Донцы» (Сенюткин, 1866а; Сенюткин, 1866б).

дает следующий отзыв. «Три сотни № 5 Оренбургского полка принимали действительное участие в осаде крепости Геок-Тепе и в боях вели себя молодцами. Как и прежде, оренбуржцы в боях обеспечивали с 1865 г. влияние России в Средней Азии»¹.

Недавние боевые действия строевых частей отдельных Сибирских казачьих войск Забайкальского, Амурского и Уссурийского в последнюю войну с китайскими мятежниками в Манчжурии, Монголии и Квантунской провинции происходили на глазах и памяти нынешних поколений, и о доблестном исполнении ими своего долга дела их с неприятелем громко говорят за себя сами².

Все это ясно говорит в пользу того, что идея казачества в России, имеющая за собой многовековую древность, несмотря на далеко изменившиеся противу прежнего обстоятельства, приведши к целому ряду преобразований, как равно и массу испытываемых казаками невзгод попечительских и административных, доходящих до окончательного упразднения некоторых из казачьих войск, как, например, казаков малороссийских и запорожских, все еще настолько сильна, что не только в старых, самобытно возникших казачьих войсках прежний традиционный дух великого молодчества безудержною преданностью престолу и вере православной почти сохранился, но и вновь образованные в видах государственных нужд казачьи войска в Сибири и на Кавказе быстро прониклись всеми присущими казакам драгоценными качествами воинов-колонизаторов, что и делает их незаменимым элементом для обережения наших пограничных местностей от вторжения в них полудиких азиатских народностей, по соседству с коими проходят тысячеверстные пространства наших южных границ в Азии, от Черного моря до великого океана. Одним из лучших тому доказательств могут служить обстоятельства последних двух столетий. Так, образованное в тридцатых годах XVIII столетия Оренбургское казачье войско в самой непродолжительности времени после образования своего устанавливает себя и преданностью делу, и безудержною отвагою, сперва при усмирении пугачевского бунта и башкирских замешательств, а затем и принимая участие в великих войнах России с Польшей и Турцией.

Так и упразднение Запорожского войска вскоре привело к возникновению из различных его элементов, сперва «войска верных казаков», а затем и нового Черноморского войска.

Начавшаяся же в 1788 г. новая война с Турцией дала черноморцам возможность путем всякого рода блестящих подвигов в боях с неприятелем, как на сухом пути, так и на легких ладьях в составе флотилии принца Нассау-Зингена при поражении турецкого флота и занятии прибрежных укреплений доказать на деле и пригодность свою на благо, и завоевать право на дальнейшее свое существование³.

Впоследствии эти безоговорочно храбрые потомки бывших запорожцев несколько раз передвигались в пределах Малороссии с места на место от Буга до Тамани; заняли на передовой линии против горских племен Северного Кавказа территорию вдоль правого побережья Кубани, и постепенно углубились вглубь Кавказа, были устроены в пределах территории нынешней Кубанской области.

И здесь, в местах новой своей родины черноморцы, как и в былые времена предки их, украинские казаки и запорожцы, собственной кровью в борьбе с неудержимым неприятелем завоевали каждый клочок земли для своего поселения. Завершив же совсем, совместно с другими героями Кавказской войны завоевание Кавказа, бывшие черноморские казаки под именем Кубанского казачьего войска мирно обитают в пределах Кубанской области, оставаясь по-прежнему во всегдашней готовности по первому же требованию верховной власти стать грозной заставой против врагов России, и не только у себя на Родине, но и в местах, указанных царской волей, на защиту государства и веры православной.

¹ Слова М.Д. Скобелева относятся к осаде под его руководством Геок-Тепе в 1880–1881 гг. Цитату из К.П. Кауфмана атрибутировать сложнее, но очевидно, что она тоже относится ко времени покорения русскими войсками Средней Азии в 1870 – начале 1880-х гг.

² Речь идет об участии казаков в подавлении боксерского восстания в Китае в 1900–1901 гг.

³ В данном случае Н.А. Маслаковец пишет о действиях русского флота под командованием К.Г. Нассау-Зигена под Очаковым в 1788 г., в состав которого входили и казачьи суда.

В лице этих разновременных основанных на окраинах государства казачьих общин Россия обладает 11 казачьими войсками, полуторамиллионное мужское население коих может выставить по первому требованию монарха более 400 000 готовых к строю воинов, <неразб.>, выходящих на службу на собственных лошадях и с собственным снаряжением. Эта казачья боевая сила представляет собою такой военный элемент, способность коего к перенесению всех трудностей походной и боевой жизни не имеет подходящих собою примеров ни в одном из цивилизованных государств Европы.

И какие бы военные усовершенствования ни совершились в цивилизованных странах под влиянием могущественной силы технических знаний и изобретательства, вековые традиции и боевая готовность казачьих войск всегда будут являться одним из наиболее веских факторов в стратегических соображениях Военного министерства по отношению безопасности границ государства и предупреждения неприятельского вторжения в пределы России.

Заканчивая этим общий исторический взгляд на появление и развитие казачьих войск в России, нетрудно указать на ту роль, какую казачество играло в жизни нашего Отечества во все время постепенного развития его государственного организма и самих пределов государства. Как нам неоднократно пришлось указывать в предыдущем изложении, роль эта была тройкая: казаки в начале своего появления представляются выходцами из внутренних областей государства для образования военных общин, защищающих своими поселениями земли в сопредельных с границами государства степных пространствах, составляющих достояние полудиких кочевников, остатков бывших орд половецких, хазарских и татарских. Следовательно, в данном случае казаки являются в России первыми колонизаторами новых земель за пределами государства.

Расширяя, таким образом, пределы приграничных народностей в сфере культурной русского народа¹ деятельности, образовавшиеся за границами государства казачьи общины немало упрощали задачи правительственной деятельности в обеспечении русскому народу больших способов для увеличения его экономического благосостояния.

Во-вторых, те же казачьи общины, водворяясь в новых местах своего поселения, лицом к лицу с врагами родины и веры православной, должны были принять на себя всю тяжесть борьбы с последними, то отстаивая свое собственное существование, то предупреждая и отбивая нападение враждебных партий кочевников на пограничные русские общины, причем военная отвага в поисках добычи увлекала этих свободных воинов земли русской далеко за пределы государства, причем никакие преграды, на сухом пути², как и на море, не останавливали их победоносного набега не только до Азова или Очакова, но даже и до ворот Стамбула. Такая непрерывная военная деятельность казаков в борьбе с внешними врагами России, в свою очередь, одинаково способствовала как увеличению внешней безопасности в пограничных областях государства, так и усилению обаяния силы России и русского имени между иноплеменниками.

Вместе с этим, одновременно с удержанием внешних врагов от вторжения в пределы государства, казак-воин становился и на страже веры православной; так как в борьбе с татарскими и крымскими ордынцами ему приходилось отстаивать не только имущественную и личную безопасность русского народа, но и не допускать в его среду магометанской пропаганды – этого основного обязательства для всякого правоверного последователя Корана и поклонника Магомета.

Ко всему этому необходимо присоединить еще и то, что со времени укрепления над казачьими общинами государственной власти, что особенно заметно обнаруживается со времени Петра Великого, казачьи войска стали мало-помалу принимать решительное участие в военных действиях совместно с русскими регулярными войсками. В настоящее же время казачьи войска представляют уже весьма современный элемент в составе военной силы империи.

Эти же стороны исторической роли казачества в России и должны войти в исторические описания казачьих войск в империи, заняв в трудах этих соответствующее их значению место.

¹ Слова «русского народа» в рукописи зачеркнуты.

² Так в документе.

При составлении истории казачьих войск нельзя также упустить из виду еще и следующие обстоятельства. Казачество как самостоятельно развившийся элемент в исторической жизни русского народа, и как особое в империи государственное учреждение, должно быть рассмотрено с двух сторон. Так, с одной стороны, казачество, занимая известное место в ряду других учреждений государства, должно быть рассматриваемо в отношении связи его с интересами общегосударственными и степенью удовлетворения своей деятельностью этим интересам. Это, так сказать, общая часть программы для истории казачества в империи в его целом. С другой же стороны, каждое из казачьих войск в частности занимает известное положение в той или другой части империи, с которой оно и имеет более или менее тесную связь в историческом, этнографическом и культурном отношениях. Все эти стороны постепенного развития каждого из казачьих войск, в частности представляют собою те особенности в его исторической жизни и бытовой обстановке, которых описание составляет собой необходимое дополнение к программе общей истории казаков в империи, и войти в историческое описание каждого отдельного войска, представляя собой часть частных исторических по данному казачьему войску монографий.

Таким образом, история казачьих войск разбивается на два самостоятельных отдела:

1) История появления и развития казачества в России как особого государственного учреждения империи, с указанием в виде заключения современного значения казачьих войск в государстве в военном, экономическом и культурном отношениях.

2) Исторические описания казачьих войск в отдельности, с указанием места, занимаемого казачьим войском среди других элементов края в историческом, этнографическом, экономическом, военном и культурном отношениях.

Если казачество по отношению к государству занимает определенное место и характеристические черты в истории развития государственной организации, то весьма естественно, что те же характеристические черты могут проследиваться и в жизни каждого из казачьих войск по отношению к истории развития организации того края, одним из элементов коего представляется территория казачьего войска с его населением.

Поэтому, вводя в историческое описание каждого из казачьих войск и исследование вопросов первого отдела, насколько они могут быть выяснены в условиях жизни казачьего войска, мы этим путем в истории казачества в России достигаем того связующего начала, которое, значительно облегчая практическое пользование предпринимаемыми в интересах Военного министерства историческими работами в казачьих войсках, может впоследствии весьма упростить и задачу составления на основании отдельных описаний казачьих войск как самостоятельных исторических по оным исследований, одного целого исторического труда «Общей истории казачьих войск в империи».

Этими основными вопросами для исторических описаний казачьих войск в России были бы нижеследующие:

1) казачество как первые колонизаторы земель, находящихся за пределами государственной территории, в разные эпохи постепенного развития государственного организма и расширения пределов империи;

2) казачество как бдительный страж неприкосновенных государственных границ и вообще безопасности русской народности со стороны враждебных России полудиких кочевых инородцев, занимающих необозримые степные просторы на Юго-Западе, Юге, Юго-Востоке и Востоке от ее пределов, и находящихся в зависимости от Крымского ханства и Турецкой империи;

3) казачество как исконный ревнитель веры православной и неустанный воитель за ее ненарушимость, как с неверными нехристями магометанами, так и с пропагандой католицизма, имевшей угрожающее для православной русской народности значение в Приднепровской Украине;

4) казачество как один из элементов вооруженных сил в империи; постепенный ход развития казачьих войск в России в этом последнем направлении.

Этими четырьмя вопросами, можно сказать, и исчерпывается та общая часть программы истории казачьих войск в империи, которая является обязательной для обоих ее отделов. Этими основными, так сказать, элементами, могли бы быть и ограничены

требования Военного министерства по отношению к программам исторических описаний казачьих войск в России.

Во всем же остальном авторам исторических описаний войск этих могла бы быть предоставлена возможно большая свобода в разработке принятого на себя труда; так как не только подробности изложения в историческом описании, но даже и самый план такового по отношению к каждому из казачьих войск в отдельности, неизбежно будет в значительной степени видоизменяться в зависимости от положения, занимаемого казачьим войском в крае, то есть от более или менее тесной связи его с элементами местного населения и бытовой его обстановки, так равно от обилия и полноты могущих быть в распоряжении составителя истории казачьего войска литературных и архивных материалов. К чему, как я уже выше указывал, нельзя не присоединить также и личных качеств историографа, с которыми в каждом литературном труде нельзя не считаться.

В числе многочисленных частных вопросов, могущих быть затронутыми в историческом описании каждого казачьего войска в частности, можно указать хотя бы на следующие:

1) самобытно ли образовалось и развилось казачье войско в крае, или учреждение его вызвано было распоряжением правительства?

2) Однородно ли население казачьего войска с таковым в крае, или же первое составляет элемент по преимуществу пришлый?

3) Чем обусловлено обложение всего ли казачьего населения или части его в известном крае денежными государственными повинностями, когда, в общем, от таковых повинностей население казачьих войск изъято?

4) Чем обуславливалось развитие в казачьем войске одного рода службы, конной или пешей, или же уважение в нем двух или трех родов оружия?

5) Чем обуславливалось усвоение войсковым населением юртового или другого порядка землевладения и системы хозяйств, отличной от таковой в других казачьих войсках, или даже у других частей населения в крае?

6) Чем обуславливалось образование из территории казачьего войска особых областей в правительственном отношении, или же включение территории казачьего войска в состав губерний, управляемых на общих основаниях?

7) Чем обуславливалось распространение на казачье население тех или других новых правительственных и местных хозяйственных учреждений в большей или меньшей степени; сравнительно с другими частями империи, или того края, в котором казачье войско находится?

Большинство, как этих вопросов, так и многих других, будут темами далеко не одинаково в каждом из казачьих войск в отдельности. Почему и предусматривать все их в общей программе для исторических описаний казачьих войск нет никаких оснований.

Какими же по преимуществу материалами придется пользоваться при составлении исторических описаний казачьих войск, как в первом, так и во втором отделах этих исторических трудов?

Так как в первом отделе истории казачьих войск эти последние должны быть главным образом обрисованы со стороны общегосударственного их значения, то потребные для этого рода исследования материалы могут по преимуществу заключаться как в литературных трудах по истории казачьих войск, уже известных¹, так равно и в исторических актах и неизвестных² еще материалах, которые сосредоточены в архивах государственных, или других центральных органах правительственной власти в империи. В числе таких учреждений могут быть названы архивы Государственного совета и Правительствующего Сената, Главного штаба и Главных управлений Военного министерства. Как равно и архивы других министерств и учреждений в Санкт-Петербурге, а затем: государственные архивы различных наименований в Москве. Из официальных же библиотек, кроме петербургских и

¹ Эта часть текста написана неразборчиво, поэтому, возможно, слово «известных» может читаться как «изданных».

² Эта часть текста написана неразборчиво, поэтому, возможно, слово «неизвестных» может читаться как «неизданных».

московских, нельзя не указать также на университетские библиотеки в городах Киеве, Харькове, Одессе, Казани и Варшаве.

Материалы же для вторых отделов исторических описаний казачьих войск придется искать преимущественно в тех местных библиографических учреждениях, которые имеются в том крае, в пределах коего проходила историческая жизнь описываемого казачьего войска. В данном случае, кроме существующих уже библиографических трудов по местному казачьему войску, для составления его исторического описания будут служить весьма серьезные пособия: работы губернских учено-архивных комиссий по разработке исторических материалов, находящихся в архивах бывших ближе всего правительственных учреждений в крае, работы местных статистических комитетов, архивы дел ныне действующих правительственных учреждений всех ведомств в крае, библиотеки некоторых из местных учебных заведений; затем, имеющиеся в крае частные библиографические собрания, каковы: фамильные архивы, библиотеки, мемуары, дневники и другие имеющие исторический интерес материалы.

Этими указаниями в известной мере намечается и самый район деятельности составителей исторических описаний казачьих войск в России.

Деятельность составителя истории общего развития казачества в империи будет сосредоточена по преимуществу в сфере государственных учреждений; составителям же исторических описаний казачьих войск в отдельности придется сосредоточить деятельность на ознакомлении с архивами и документами, имеющимися в местных правительственных и частных учреждениях. Весьма естественно, что деятельность тех и других исторических исследователей не может быть строго ограничена указанными выше рамками.

Как в том, так и в другом случае могут встречаться такие обстоятельства, которые укажут на необходимость обратиться к центральным учреждениям составителю описания по второму отделу, так как и для работающего по первому из них всегда может встретиться надобность отношения с архивом или библиотекой того или другого из местных правительственных или иного рода учреждений в провинции.

Тем не менее, вышеприведенные указания, в общем, не теряют своей силы.

Сообразно этому и избрание лиц для составления исторических описаний казачьих войск, как равно и общее руководство их работами, не могут не находиться в зависимости от отделов самих работ этих. Так, избрание составителя истории общей казачьих войск в империи по первому ее отделу, как и руководство его работами, было бы всего целесообразнее предоставить начальнику Главного управления казачьих войск. Напротив того, избрание лиц для составления исторических описаний каждого из казачьих войск в отдельности, как равно и общее наблюдение за ходом возложенных на них работ, всего целесообразнее возложить на войсковых или наказных атаманов описываемых казачьих войск. В видах же достижения более тесной связи в производстве исторических работ по казачьим войскам полагалось бы, что как утверждение избранных для того лиц, так и представление общих руководящих начал и указаний по исполнению работ этих могли зависеть уже только от власти Военного министерства, по представлениям о том начальника Главного управления казачьих войск.

В заключение настоящего доклада необходимо также коснуться вопроса о размере и порядке снабжения производителей исторических работ по казачьим войскам, как денежными средствами, так и другими способами для собирания необходимых им исторических материалов, так равно и удовлетворении их вознаграждением за труд по составлению исторических описаний.

Работы по составлению исторических описаний казачьих войск, кроме личного труда со стороны историка, вызовут необходимость разъездов для посещения тех учреждений, которые могут обладать необходимыми в данном случае материалами, занятия же в этих учреждениях по собиранию материалов потребуют и известного времени, и средств для личного содержания в местах собирания материалов. Все эти обстоятельства, кроме личного труда составителей исторических описаний казачьих войск, вызывают неизбежные денежные с их стороны затраты, удовлетворение которых и должно быть отнесено на денежные средства тех правительственных органов, по распоряжению которых будут проводиться исторические работы по казачьим войскам. Это будут, так сказать, текущие расходы по составлению исторических описаний казачьих войск.

Расходы эти будут двоякого рода. Во-первых, сюда войдут прогонные деньги на разъезды производителя исторических работ по собиранию необходимых для сего материалов. Во-вторых, занятия историей казачьих войск потребуют от историографа известного времени на их исполнение, что так же должно быть вознаграждено со стороны правительства. Этот последний расход для лиц, состоящих на действительной службе и получающих деньгами содержание по занимаемой должности, может быть определенным в виде прибавки к назначенному содержанию. И было бы всего проще определить это дополнительное содержание в виде суточных денег за все время производства работ этих.

Относительно же лиц, не состоящих на действительной службе и не получающих от казны постоянного денежного содержания, в случае приглашения таковых для составления исторических описаний казачьих войск, то вознаграждение их за труд и потраченное ими время на эти работы может быть определено не иначе, как по взаимному согласованию между правительственными органами и лицами, для вышеприведенных работ приглашенными. И было бы конечно всего проще размер этого вознаграждения определить общей денежной суммой за исполнение им полученного ему труда. Сама же выдача назначенной за работы платы могла бы выдаваться или полностью по представлению выполнения всей работы, или же разновременно, определенными частями, по мере представления им соответствующих вознаграждению частей работы.

Этими соображениями исчерпываются вопросы по разработке оснований для составления исторических описаний казачьих войск в империи.

Что же касается порядка рассмотрения и оценки достоинства предоставляемых составителями исторических описаний работ и издания последних, то вопросы эти, как выходящие уже из сферы возложенного на меня поручения, и не рассматриваются мною в настоящем докладе.

Все вышеупомянутое сообщаю Главному управлению казачьих войск в ответ на письмо 21 декабря 1901 года № 16773.

Генерал-лейтенант Маслаковец.

Как мы отмечали в предисловии к публикации, программу Н.А. Маслаковца для официальной истории казачества едва ли можно признать удачной. Составленная историком-дилетантом, и содержащая в исторической части, как видно из комментариев, много неточностей, она представляет собой объект для критики. И все же, благодаря ей, работа над официальной историей казачества сдвинулась с мертвой точки: в ноябре 1902 г. Главное управление Казачьих войск составило на основании изысканий генерала служебную записку «Об организации исторических работ в казачьих войсках», вскоре разосланную войсковым атаманам (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 9). Безусловно, если бы программа официальной истории казачества была заказана профессиональному историку, первый научный цикл историй казачьих войск мог бы быть написан еще в начале XX в. Но, с другой стороны, даже из опубликованного документа видно, что работы по подготовке официальной истории казачества велись Главным управлением Казачьих войск не слишком активно, и за 1900–1901 гг. не удалось даже подготовить общего плана работ, удовлетворившего бы Военный совет. Если бы Н.А. Маслаковец не написал свою программу менее чем за полгода, с 21 декабря 1901 г. по 22 мая 1902 г., то процесс подготовки к написанию официальной истории казачества мог растянуться еще больше, а затем, в связи с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции, работы, скорее всего, вовсе не были бы начаты. Поэтому хотелось бы в заключение привести слова крупного донского историка-любителя начала XX в. А.А. Кириллова, который так отзывался о значении правительственного проекта написания официальной истории казачества: «Интерес к донской казачьей истории, возбужденный в 1902 г. Военным министерством, не только не ослабевает, но в настоящее время получает особую интенсивность, благодаря просвещенным заботам, настояниям и симпатичному отношению к этому делу Его Превосходительства господина войскового наказного атамана Войска Донского барона Ф.Ф. Таубе. Как бы в ответ на такие современные запросы, на местном горизонте появляются и новые деятели, желающие посвятить свои силы и знания разработке донской истории» (Кириллов, 1909). И не только те разрозненные, но прочно вошедшие в научный оборот книги, которые были написаны в ходе реализации правительственного проекта, но и сам

рост интереса к истории в казачьих войсках начала XX в. были бы невозможны без неудачной программы официальной истории казачьих войск Н.А. Маслаковца.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 18-39-00009, поддержанного РФФИ.

Литература

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 23. Оренбург: Каримов, Хусайнов и К, 1911. С. 262–266.

Карпов, 1911 – Карпов А.Б. Уральцы: исторический очерк. Ч. 1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск: Войсковая типография, 1911. 95 с.

Кириллов, 1909 – Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. 40 с.

Кузнецов, 2013 – Кузнецов О.Ю. Рыцарь Дикого поля. Князь Д.И. Вишневецкий. М.: Флинта, Наука, 2013. 224 с.

Оболенский, 1858 – Оболенский М.А. Сведения об авторе «Ядра Российской истории» А.И. Манкееве. М.: [Б.и.], 1858. 12 с.

Овсянников, 1914 – Овсянников Е.П., прот. Св. Тихон Задонский как благоустроитель церковной жизни и деятель в борьбе со старообрядческим расколом в Донской Украине // *Воронежская старина*. Вып. 13. Воронеж, 1914. С. 3–64.

Садиков, 1947 – Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // *Исторические записки*. Т. 22. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 132–166.

Сенюткин, 1866а – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 1. М.: Тип. С. Селиванского, 1866. 180 с.

Сенюткин, 1866б – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 2. М.: Тип. С. Селиванского, 1866. 282 с.

Стороженко, 1904 – Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев: Типография Г.Л. Фронцкевича, 1904. 327 с.

Энциклопедия, 1889 – Энциклопедия военных и морских наук. Т. IV. СПб. Тип. В. Безобразова и комп., 1889. 659 с.

References

GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

Grigorovich, 1911 – Grigorovich N.S. (1911). Pamyati N.A. Maslakovtsa [In Memory of N.A. Maslakovets]. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission*. Issue 23. Orenburg: Karimov, Khusainov and K, pp. 262–266. [in Russian]

Karpov, 1911 – Karpov A.B. (1911). Ural'tsy: istoricheskii ocherk. Ch. 1: Yaitskoe voisko ot obrazovaniya voiska do perepisi polkovnika Zakharova (1550–1725 gg.) [Ural'tsy: a historical sketch. Part 1: Yaitsky Cossacks Host from the formation of the Host to the census of Colonel Zakharov (1550–1725)]. Uralsk: Military Printing House, 95 p. [in Russian]

Kirillov, 1909 – Kirillov A.A. (1909). Kratkoe obozrenie istorii o donskikh kazakakh [Brief review of the history of the Don Cossacks]. Novocherkassk: Private Don Printing House, 40 p. [in Russian]

Kuznetsov, 2013 – Kuznetsov O.Yu. (2013). Rytsar' Dikogo polya. Knyaz' D. I. Vishnevetskii [Knight of the Dikoe pole. Prince D. I. Vishnevetsky]. Moscow: Flinta, Nauka, 224 p. [in Russian]

Obolenskii, 1858 – Obolenskii M.A. (1858). Svedeniya ob avtore “Yadra Rossiiskoi istorii” A.I. Mankeeva [Information about the author of “The Core of Russian History” A.I. Mankeev]. Moscow: [s.n.], 12 p. [in Russian]

Ovsyannikov, 1914 – Ovsyannikov E.P., prot. (1914). Sv. Tihon Zadonskij kak blagoustroitel' cerkovnoj zhizni i deyatel' v bor'be so staroobryadcheskim raskolom v Donskoj Ukraine [St. Tikhon of Zadonsk as blagoustroitel Church life and activist in the struggle with the old believer schism in the don Ukraine]. *Voronezhskaya starina*. Is. 13. Voronezh, pp. 3–64. [in Russian]

Sadikov, 1947 – Sadikov P.A. (1947). Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. Istoricheskie zapiski. Vol. 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishers, pp. 132–166. [in Russian]

[Senyutkin, 1866a](#) – *Senyutkin M.Kh.* (1866). Dontsy [Don Cossack]. Part 1. Moscow: S. Selivanovsky's typography, 180 p. [in Russian]

[Senyutkin, 1866b](#) – *Senyutkin M.Kh.* (1866). Dontsy [Don Cossack]. Part 2. Moscow: S. Selivanovsky's typography, 282 p. [in Russian]

[Storozhenko, 1904](#) – *Storozhenko A.V.* (1904). Stefan Batorii i dneprovskie kazaki [Stefan Batory and the Dnieper Cossacks]. Kiev: G.L. Frontskevich's typography, 327 p. [in Russian]

[Entsiklopediya, 1889](#) – *Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk* [Encyclopedia of military and marine sciences]. Vol. IV. St. Petersburg: V. Bezobrazov's and comp. typography, 659 p. [in Russian]

«Надо поспешить с составлением подобных исторических трудов по каждому из казачьих войск»: программа Н.А. Маслаковца для официальной истории казачества. Часть 2

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В 1899–1912 гг. российское Военное министерство предприняло попытку написать официальную историю казачества. Программу для этой истории было поручено составить видному военному чиновнику генерал-лейтенанту Н.А. Маслаковцу. Хотя официальная история казачества так и не была создана, подготовленный Н.А. Маслаковцом документ представляет бесспорный интерес. Во-первых, в нем объясняется логика действий правительства в ходе написания официальной истории казачества. Во-вторых, рукопись Н.А. Маслаковца показывает уровень представления российского общества о прошлом казачьих войск в начале XX в. Наконец, в-третьих, данный текст важен для понимания личности Н.А. Маслаковца, бывшего в 1890–1900 гг. ключевым экспертом Военного министерства по казачьим вопросам.

Ключевые слова: проблемы историографии начала XX в., Военное министерство, официальная история казачества, Н.А. Маслаковец.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)